

ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Девятые «Муромцевские чтения»

Орел 2017

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

Л 55

Научный редактор
д.и.н., профессор Д.В. Аронов

Рецензенты
д.ф.н., профессор А.А. Кара-Мурза
д.и.н., профессор В.В. Журавлев

Л 55 **Либералы и революция:** Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2017. – 384 с.

ISBN 978-5-91468-242-9

В настоящий сборник научных статей вошли материалы девятих «Муромцевских чтений», объединенных общей проблемой взаимоотношения либерализма и революции применительно к российской действительности 1917 г. В статьях традиционных участников «Муромцевских чтений» нашли свое отражение самые разнообразные аспекты этого сложного и многопланового взаимодействия этих, по сути, не совпадающих сущностей.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ISBN 978-5-91468-242-9

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издательский дом «ОРЛИК», 2017

нравственное измерение. Это позволяет Трубецкому как метафизически ориентированному философу истории увидеть социальность в ее статике, динамике, разломах и турбулентности в присутствии Абсолюта – в религиозной логике происходящих и грядущих событий. Именно в этом и заключается философский аргумент князя Евгения Трубецкого в пользу всемирного смысла, обнаруживаемого сквозь всю бессмыслицу мировой войны и революционного хаоса – аргумент непреходящего духовного значения и интеллектуальной силы, который воспринимается сегодня как свидетельство верующего разума, возвышающегося над исторической катастрофой и смертью.

О.А. Харусь¹

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ ЛИБЕРАЛА «ВНЕ ПОЛИТИКИ»²

В историографии получил развернутое обоснование тезис о признании новой генерацией российских либералов в начале XX в. возможности и даже необходимости политической революции³. Он подтверждается данными разнообразных источников, привлекавшихся специалистами для изучения политических практик неолибералов как в центре, так и в различных регионах страны, и, безусловно, отражает объективную реальность. Однако, поскольку единомыслие чуждо самой природе либерализма, естественно предположить, что представление о политической революции как способе решения назревших проблем разделяли не все представители этого направления. Попытка исторической реконструкции образа мысли и чувствований конкретной личности сама по себе

¹ Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения ФГБОУ ВО «Томский государственный университет».

² Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

³ Шелохаев В.В. Российский либерализм в свете опыта новой энциклопедии // Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Орел, 2009. С. 10.

представляет научный интерес, поскольку открывает возможности для введения в исследовательское пространство антропологического измерения. Вместе с тем, не исключено, что изучение особенностей индивидуального мировоззрения и восприятия действительности либерально настроенных лиц позволит выйти и на некоторые обобщения с фиксацией социально типичного. В частности, на уровне гипотезы можно обозначить дифференциацию позиций неолибералов по отношению к революции в зависимости от степени их вовлеченности в реальную политику.

Поскольку либерализм – это, прежде всего, своеобразная субкультура, а политический либерализм является лишь одним из проявлений этого социокультурного феномена, выведение за рамки либерального дискурса личностей, не склонных принимать сколько-нибудь активное участие в общественно-политической жизни, но при этом являвшихся «по своей духовно-психологической породе» носителями либеральной субкультуры, было бы некорректным¹. Между тем, можно предположить, что дистанцирование этих людей от политики, наряду с прочими обстоятельствами, было обусловлено и их восприятием революционных событий в России начала XX в. Основанием для такого рода гипотезы стало обращение к интеллектуальному наследию видного юриста конца XIX-начала XX вв., признанного специалиста в области философии права, профессора Томского университета Иосифа Викентьевича Михайловского.

Приверженность Михайловского основным идеям неолиберализма не вызывает сомнений: в своих лекциях и научных трудах он обосновывал и развивал неолиберальную трактовку прав человека как «прав-притязаний», разделял позиции либералов новой генерации по вопросу о взаимоотношениях государства и общества, государства и частных лиц. Участие же его в политической жизни страны, по-видимому, ограничилось вступлением в 1905 г. в кадетскую партию. Впрочем, и этот факт можно поставить под сомнение. По данным Департамента полиции, Михайловский числился членом томской кадетской организации². Однако этот документ является единственным свидетельством причастности профессора к политической деятельности. И даже если его членство в кадетской партии

¹ Кара-Мурза А.А. Либерализм: «идея», «партия» или «субкультура»? // Российский либерализм... Орел, 2009. С. 22–29 .

² ГАРФ. Ф.102. Оп. 233 (1905 г., II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Л. 127-128.

в какой-то момент времени действительно имело место, оно было исключительно формальным. В апреле 1917 г. газета «Сибирская жизнь» опубликовала открытое письмо Михайловского в редакцию, в котором он заявлял: «Всем студентам-юристам, а в особенности моим коллегам по факультету хорошо известно, что я никогда не принимал и не принимаю никакого участия в каких бы то ни было политических партиях и вообще в активной политической жизни». Считая себя «профаном в области реальной политики», профессор подчеркивал: «Я чистый ученый, а не администратор и не практический политик»¹.

Посвятив себя научным изысканиям, свое жизненное кредо Михайловский сформулировал в Предисловии к изданному в 1914 г. курсу лекций по философии права: «наука и "политика" – два противоположных полюса»². Такая позиция не означала стремления абстрагироваться от окружающей действительности, уйти от обсуждения насущных социальных проблем и ни в коей мере не являлась признаком индифферентности по отношению к судьбам Отечества. Приведенное выше заявление отражало глубокую внутреннюю потребность Иосифа Викентьевича в постижении сути явлений и процессов и столь же глубокую убежденность в том, что политические пристрастия и предпочтения создают непреодолимые барьеры на этом пути. В 1908 г., обращаясь к студентам юридического факультета во вступительной лекции, он четко определил свою позицию в этом отношении: «Кто желает изучать науку права, должен совершенно отрешиться от каких бы то ни было политических симпатий и антипатий. Политические страсти способны только извратить науку и создавать те пародии на нее, которые мы видим в огромной массе партийных статей и брошюр. ...Перед... будущими служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости»³.

Значимость подлинно научного, свободного от политических пристрастий знания в области «социальных исканий» ученый видел, прежде всего, в том, что оно позволяет отличить идеал от утопии и служит профилактикой «заражения крайним радикализмом,

¹ Сибирская жизнь. Томск. 1917. 23 апреля.

² Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. Предисловие.

³ Он же. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С. 12.

легкомысленно отрицающим выработанные историей формы и воображающим, что человек может вопреки всем объективным факторам культуры перестроить весь мир при помощи найденной формулы»¹. Неслучайно одним из ключевых положений либеральной теории, получившим в трудах Михайловского развернутое философское обоснование, являлся принцип эволюционного поступательного развития общества. Теоретическим фундаментом для него, как и для его учителя Б.Н. Чичерина, при этом послужила диалектика Гегеля с ее акцентом на возможность примирения идеалов и реалий, преодоления их противопоставления, а также признанием идеи развития в качестве основной идеи мирового процесса.

На основе сформулированных Гегелем общих законов развития Чичерин в свое время создал концепцию развития истории культуры, которую Михайловский оценивал как «одну из грандиознейших концепций человеческого ума». Разделяя основные ее положения, профессор Томского университета так излагал суть: «Общий ритм развития состоит в том, что из первоначального единства выделяются противоположности, каждая из них развивается самостоятельно, а затем все сводятся к высшему, гармоничному единству, в котором эти противоположности находят каждая свойственное ей место»². Кредо либерализма в трактовке общественного развития, унаследованное от своего учителя, Михайловский предельно лаконично выразил в формуле: «Настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего». Представление, согласно которому «грядущая культура не может быть чем-то принципиально новым, отделенным от современной непроходимой пропастью»³, отражало восприятие общественного развития как движения поступательного и преемственного.

Убежденность в том, что общая направленность развития верно схвачена в гегелевской диалектике, питала социальный оптимизм Михайловского, его веру в возможность реализации либеральных ценностей, воспринимавшихся как аналог разумных начал. Он подчеркивал: «Зная закон развития и его ритм, зная, что принципом этого развития является стремление к осуществлению из-

¹ Он же. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. С. 9.

² Он же. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство. Б.м., б.г. С. 29.

³ Он же. Культурная миссия юристов... С. 25.

вестных разумных начал, мы совершенно иначе отнесемся к целому ряду печальных явлений жизни. Мы не подчинимся этим явлениям, будем бороться с ними, твердо веря, что светлые идеалы истины, свободы, справедливости, всеобщего братства и отсутствия насилия представляют собой реальность, гораздо более сильную, чем все зло жизни, реальность, в конце концов восторжествующую над этим злом»¹.

Под «печальными событиями» профессор подразумевал, прежде всего, волну революционных потрясений, которые переживала Россия в начале XX в. Современная российская действительность воспринималась им как поистине трагичная, характеризующаяся господством грубой силы и произвола. В происходящем профессор усматривал историческую закономерность, состоящую в неременном сопровождении распада государственной жизни во времена внутренних потрясений, революций, анархии упадком культуры и «ужасным развитием зверя в человеке»². Однако, при этом он был вынужден констатировать, что «современная Россия побил рекорд в смысле озверения». «Политический нейтралитет» Михайловского, его стремление к беспристрастной оценке окружающей действительности вылились в признание равной ответственности противоборствующих сторон за эксцессы революции. Правительственные репрессии, черносотенные погромы вызывали такое же осуждение с его стороны, как и проявления революционаризма. Однопорядковыми проявлениями «вакханалии зверя в человеке» считал Михайловский «с одной стороны – карательные отряды, сожжение деревень, бомбардировку городов, расстрелы, виселицы, административный произвол, достигший Геркулесовых столбов; далее – погромы, бесчинства различных «патриотических» организаций, а с другой стороны – бомбы, браунинги, массу политических убийств, грабежей и другие возмутительные проявления человеческой дикости, совершаемые ввиду отвратительного принципа: «Цель оправдывает средства»³. Категорическое неприятие насилия, конфронтационности, «невероятного взаимного озлобления фанатиков различных партий» свидетельствовало о наличии четкой гражданской позиции профессора, который не мог оставить-

¹ Он же. Воззрения Б.Н. Чичерина ... С. 29.

² Он же. Культурная миссия юристов ... С. 5, 6.

³ Он же. Университет и наука ... С. 4.

ся равнодушным к разгулу политических страстей. В охватившей Россию «эпидемии кровопролития» Михайловский видел угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы»¹.

События 1905–1907 гг. сделали очевидной для специалиста в области философии права производность характерного для россиян крайнего радикализма от их «правовой дряблости», яркими симптомами которой являлись отсутствие уважения к закону во всех слоях общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по его мнению, усугублялся тем, что атрофия чувства законности имела глубокие корни в самих устоях общественной жизни, которые резко контрастировали с западноевропейской социокультурной действительностью. Неоднократные поездки с научной целью за границу позволили профессору составить вполне определенное представление об особенностях менталитета европейцев и, вероятно, стали одним из факторов формирования позиции по вопросу о принципах и логике общественного развития. Сопоставляя доминирующие общественные настроения в Европе и России, он писал: «Европейцы, даже из наиболее живых, впечатлительных и экспансивных наций, никогда по общему правилу не могут так подчиниться новым идеям, чтобы сразу отбросить как ненужный и вредный хлам несогласные с ними вековые учреждения и традиции. Они чувствуют, что в этом наследии веков всегда хранятся элементы истины. Между тем у нас каждая новая идея сразу овладевает умами и сердцами до такой степени, что все, несогласное с ней, отвергается, адепты новой идеи готовы сейчас же коренным образом перестроить весь мир по рецепту модной идеи. Об уважении к мнениям противников, об уважении к вековым традициям нет и речи! Все это едва ли свидетельствует о высокой культуре»².

Особенно удручающее впечатление произвела на Михайловского кульминация первой российской революции. В лекции, по-

¹ Он же. Университет и наука ... С. 4, 17.

² Он же. Культурная миссия юристов ... С. 9.

священной 150-летию со дня рождения Моцарта, он так выразил свое душевное состояние в связи с «ужасными» событиями декабря 1905 - января 1906 гг.: «Мы видим такую массу совершающегося зла, такое господство грубой силы, произвола, дикости и озверения, что невольно философия пессимизма кажется нам все более и более привлекательной»¹. И все же будущее России представлялось Михайловскому в оптимистичных тонах. Его уверенность в конечном успехе формирования национального сознания на принципах законности, уважения к праву, к личности питалась знанием о традициях и богатых возможностях русского народа, отраженных в юридических памятниках («Русской правде», Псковской и Новгородской судных грамотах), «где выразилось такое здоровое, цельное правовое чувство»; в памятниках народного искусства, народной песне, во многих фактах и событиях русской жизни². Кроме того, противоядием философии пессимизма в отношении исторических перспектив России Михайловский, будучи, по-видимому, человеком эмоциональным и эстетом³, считал великие произведения человеческого духа в области философии, науки, искусства; музыку, отражающую полное гармонии, красоты, радости и света мировоззрение; нравственные подвиги отдельных личностей. Все это должно было, по его мнению, в противовес представлениям о превалировании темных сил в человеке укреплять убеждение в том, что «человек все-таки есть завершение того великого, дивного, гармонического и разумного порядка, который называется мирозданием»⁴. Михайловский писал: «...страна, давшая человечеству Глинку, Чайковского, Васнецова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Менделеева, Мечникова, Чичерина, ... имеет перед собой будущее, для такой страны стоит работать»⁵.

И он работал... Работал добросовестно и напряженно, руководствуясь, по его словам, «только одним девизом: любовью к истине и стремлением искать ее, отрешившись от каких бы то ни было посто-

¹ Он же. Моцарт. По поводу 150-летия со дня его рождения (27 января 1756 – 27 января 1906). Томск, 1906. С. 2.

² Он же. Университет и наука ... С.16, 17.

³ Одним из увлечений И.В. Михайловского была музыка. В Томском отделении Императорского Русского музыкального общества профессор читал лекции по истории и энциклопедии музыки.

⁴ Он же. Моцарт... С. 1-2.

⁵ Он же. Университет и наука ... С.16, 17.

ронних влияний»¹. Будучи одним из лучших лекторов юридического факультета, результатами своих научных изысканий охотно делился со студентами, сознавая «великую ответственность пред своею совестью за каждое предлагаемое учащейся молодежи от имени науки слово»². Этим жизненным принципам Михайловский не изменял ни при каких обстоятельствах. Его приверженность либеральным идеям и, в частности, убежденность в пагубности радикальных способов решения социальных проблем была плодом многолетних напряженных размышлений, а потому ее не смогла поколебать даже та волна революционной эйфории, которая после Февраля 1917 г. захлестнула не только многих либералов, но и консерваторов.

Известия о революции дошли до Томска 1 марта, а 2 марта в большой аудитории университета профессор Михайловский, «не обращая внимания на то, что скрепы уже ползут и все раздается вширь и вглубь и бурлят уже и гудят революцией коридоры, объявил лекцию: «О государственном строе»³. Тема лекции была воспринята собравшимися как сенсационная, но еще большую сенсацию произвело ее содержание и поведение самого лектора. Присутствовавший на этой лекции студент юридического факультета Л.В. Арнольд впоследствии вспоминал: «Многие уже предвкушали, что и он (*Михайловский*. – О.Х.), как и все прочие, – станет петь новые песни. Но Михайловский... появился спокойно в битком набитой аудитории, куда пришли все, ... кто интересовался тем, что происходит вокруг нас, даже те студенты с красными повязками на рукавах, которые сразу в первый же день вестей попали в милицию и уже охраняли, арестованного в своем "дворце", губернатора... Он был спокоен, он был академичен, он ничем не выдал своего внутреннего большого волнения... И он сказал то, что он всегда думал, ... что идеальным строем и в науке и в его личном мнении надо считать "конституционную монархию"...»⁴ Как проявление личного мужества оценил автор воспоминаний эту «научную, строгую» лекцию, прочитанную в условиях, когда «80% студентов ...были в Томске и по всей России республиканцами»⁵.

¹ Он же. Очерки философии права... Предисловие.

² Там же.

³ Арнольд Л.В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935. С. 84.

⁴ Там же. С. 85 (орфография и пунктуация автора).

⁵ Там же. С. 85-86.

Этот строгий академичный стиль Михайловский выдерживал в своей преподавательской деятельности и в последующие годы, насыщенные социальными и политическими трансформациями. По-видимому, именно подчеркнутая отстраненность от политических конфликтов и баталий позволила ему остаться верным своим идеям и ценностным ориентирам. Но, с другой стороны, возможно и иное «прочтение» судьбы Иосифа Викентьевича (оно, вероятно, будет более точным): верность идеям, которые были результатом интенсивной продолжительной работы мысли, и понимание невозможности их практического воплощения в современной ему России стали причиной дистанцирования от политических процессов, нежелания включаться в них¹. В этом был определенный резон, поскольку опыт либералов-политиков убедительно продемонстрировал необходимость приспособления к существующим обстоятельствам ценой отступлений от изначально постулировавшихся идей. Выход из пространства «чистой» теории в пространство публичной политики ставил задачу определиться не относительно общих ценностных ориентиров, мировоззренческих основ и базовых конструктов будущего желательного устройства страны, а по принципу «здесь и сейчас», а потому одним из его логических следствий и стало признание политической революции в условиях острого системного кризиса как возможного и, более того, необходимого способа решения не терпящих отлагательства проблем.

Отдавая себе отчет в некорректности обобщений на основе анализа взглядов отдельного представителя либеральной традиции, можно, тем не менее, высказать некоторые предположения по поводу умонастроений либерально настроенных интеллектуалов, которые, подобно Михайловскому, сознательно дистанцировались от участия в политике. Российская версия революции в их сознании

¹ Трагизм ситуации заключался в том, что политика все же вторглась в жизнь и судьбу человека, сознательно стремившегося дистанцироваться от нее. На основании ордера Томской ГубЧК от 28 февраля 1920 г. ученый был арестован и осужден на 5 лет концлагерей. В течение 2 месяцев Михайловский находился под арестом, после чего его освободили по ходатайству ректора Томского университета А.П. Поспелова. Однако вернуться к преподавательской деятельности профессору уже не удалось: с 15 апреля 1920 г. совместным постановлением Сибирского отдела народного образования и Коллегии по управлению высшими учебными заведениями г. Томска он был освобожден от занимаемой должности. Год спустя, в марте 1921 г., Иосиф Викентьевич умер в госпитальных клиниках от кардиосклероза в возрасте 53 лет (26 дек.1867 – 5 марта 1921). ГАТО. Ф.102. Оп. 9. Д. 339. Л. 126, 129, 134.

ассоциировалась исключительно со смутой, разгулом низменных страстей и эмоций, приобретая однозначно отрицательную коннотацию. Эволюция же как единственно приемлемый для интеллектуалов вариант реализации либеральной модели общественного устройства в условиях России начала XX в. предполагала длительную упорную работу по формированию гражданского национально-го сознания как необходимой основы создания правового общественного и государственного строя, залог его прочности. И к такого рода просветительской деятельности они были готовы. Во всяком случае, именно в этом видел свою профессиональную миссию как юриста и, вместе с тем, свой гражданский долг, Михайловский, оставаясь верным ему на протяжении всей жизни.

Н.Г. Карнишина, В.Ю. Карнишин¹

А.С. ИЗГОВЕВ – ПУБЛИЦИСТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Эпистолярное наследие эмигрантской поры одного из ярких публицистов Конституционно-демократической партии А.С. Изгоева (Ланде) пока не стало сегментом историографии российского либерализма² при том, что его дореволюционные работы анализировались в различных статьях³. Между тем, публицистическая деятель-

¹ *Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.*

Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

² Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Аронов Д.В. Право и справедливость в творческом наследии Сергея Андреевича Муромцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 9-13; Он же. Конституционное наследие российской либеральной правовой мысли – проблемы и перспективы использования на современном этапе становления российского конституционализма // Современное общество и право. 2013. № 1(10). С. 18-25; Вострикова В.В. Общество и личность в либеральной мысли России конца XIX-начала XX вв. // Булгаковские чтения. 2010. № 3. С. 247-254.

³ Казакова Н., Нарский И. Изгоев А.С. // Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 224-225; Вострикова В.В. Изго-